

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1904—1905.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВѢНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

- General Index to the reports of the Archaeological Survey of India. Volumes I to XXIII, published under the superintendence of Major General Sir A. Cunningham by Vincent Arthur Smith. Calcutta. 1887. 8°. XVIII + 216 pp.
- ***Temple, R.** Picturesqueness in reference to architecture. (Transactions of the R. Institute of British Architects. V. 1889. pp. 53—76). [Объ индо-мусульманскихъ зданiяxъ см. pp. 64—76, with 5 illustr. and pl. XV—XVI].
- Tripe, L.** Photographic views in Madura with descriptive notes by M. Norman. [Madras]. 1858. 4 vol. in fol°, with 48 fotogr. plates.
- ***Wainwright.** The Tāj-Mahal at Agra. (Journal of Manchester-Geographical Society. Vol. XIV).
- ***Vogel.** The Jahazi Mahal at Shujabad [нач. XIX в.]. (Journal of Indian Art. № 85. Vol. X. 1904, pp. 38—41, pl. 46—51).

(Продолженіе слѣдуетъ).

329. Г. Халатьянцъ. Армянскіе Аршакиды въ «Исторіи Арменiи» М. Хоренскаго. Москва, 1903.

Настоящій трудъ проф. Халатьянца вмѣстѣ съ изданнымъ въ 1896 г. изслѣдованіемъ объ *Армянскомъ Эпосѣ* составляетъ полную критику *Исторiи Арменiи* Моисея Хоренскаго.

Появившіяся до сихъ поръ работы о Хоренскомъ касались, какъ думаетъ авторъ, отдѣльныхъ отрывковъ или отдѣльныхъ главъ. Онѣ подвергались сомнѣнію, отвергались, какъ позднія интерполяція, выдавались за апокрифы, отмѣчались, какъ анахронизмы; но цѣлое, ядро историческаго труда Хоренскаго, не подводилось подъ общія заключенія.

Проф. Халатьянцъ задался цѣлью изучить *Исторiю Арменiи* Хоренскаго въ полномъ ея объемѣ: онъ старался «прослѣдить Хоренскаго послѣдовательно, шагъ за шагомъ, раскрыть насколько это возможно, дѣйствительные источники его и отмѣтить его отношеніе къ нимъ». Въ задачу автора входило также подкрѣпить новыми данными выводы Гутшмида и Карриера о времени Хоренскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить путемъ детальнаго изученія и тщательной провѣрки по возможности всѣхъ источниковъ Хоренскаго вопросъ о достовѣрности сочиненія его, какъ историческаго памятника.

Проф. Халатьянц приступилъ къ рѣшенію этихъ прекрасныхъ задачъ съ заранѣе опредѣленнымъ настроеніемъ. Увлеченный выводами отрицательной критики Хоренскаго, онъ довелъ ихъ до крайности и сдѣлалъ такія построения и рѣшенія, которыя далеко не безукоризненны въ научномъ отношеніи.

Критиками давно отмѣчены памятники, въ которыхъ имѣются общія мѣста и точки соприкосновенія съ Хоренскимъ. Предполагалось, что они восходятъ къ общимъ источникамъ. Г. Халатьянцъ иначе опредѣляетъ ихъ отношеніе и думаетъ, что Хоренскій зависитъ отъ нихъ. Коль скоро замѣчаетъ гдѣ нибудь связь, иной разъ и весьма отдаленную, г. Халатьянцъ долго не задумывается объяснить ее зависимостью Хоренскаго. Тамъ, гдѣ нужно или можно говорить лишь о литературной параллели, г. Халатьянцъ усматриваетъ фактъ заимствованія. Весьма сложные вопросы о взаимоотношеніи памятниковъ рѣшаются иногда съ чрезмѣрною легкостью. Сличенія и сближенія не всегда производятся на основаніи точно оцѣненныхъ данныхъ содержанія или историко-литературныхъ соображеній. Часто они какъ будто подсказываются скрытой мыслью о томъ, что Хоренскій жилъ въ IX ст. Многія сужденія и рѣшенія въ послѣдней своей основѣ опираются на одно существенное предположеніе, что древне-армянская литература, письменная или устная, была доступна Хоренскому въ такомъ же объемѣ, въ какомъ она извѣстна намъ теперь. Если принять это положеніе, то, пожалуй, можно согласиться со многими выводами г. Халатьянца. Благодаря такимъ приемамъ, автору, дѣйствительно, удалось «подвести ядро труда Хоренскаго подъ общія заключенія». Надо признаться, заключенія отличаются замѣчательной послѣдовательностью. Но, къ сожалѣнію, послѣдовательность ихъ не покоится на научно твердыхъ положеніяхъ.

Не касаясь положительныхъ сторонъ труда г. Халатьянца, я указываю лишь на тѣ пункты, которые мнѣ кажутся несостоятельными.

Въ самомъ началѣ труда авторъ ставитъ упрекъ Хоренскому, что онъ возводитъ начало армянскихъ Аршакидовъ къ II ст. до Р. Х., между тѣмъ, по даннымъ достовѣрной исторіи, они утвердились въ Арменіи лишь послѣ Тиграва и Тигранидовъ, т. е. на два столѣтія позднѣе (стр. 5).

Г. Халатьянцъ правъ, насколько дѣло касается исторической достовѣрности. Но не менѣе правъ и Хоренскій въ томъ смыслѣ, что у него были источники, гдѣ дѣло представлялось такъ, какъ онъ передаетъ.

Въ армянскомъ преданіи, вслѣдствіе незамѣтнаго перехода престола отъ Тигранидовъ къ Аршакидамъ, обѣ фамиліи слились въ одну и составили династію Аршакидовъ, при этомъ армянское происхожденіе Тигранидовъ было распространено и на Аршакидовъ.

Слитная династія сохранила за собой имя одной династіи, а происхождение другой.

Тиграниды, происшедшіе отъ полководца Антиоха, Артаксіата, начали царствовать въ Арменіи послѣ 189 года, потому и начало Аршакидовъ отнесено преданіемъ къ этому времени.

Что у армянъ существовало преданіе объ армянскомъ происхожденіи Аршакидовъ, это видно изъ *Начальной исторіи Арменіи*, въ той редакціи, которой пользовался Прокопій¹⁾.

Недавно изданный Алишаномъ отрывокъ²⁾ изъ сочиненія Епифанія подтверждаетъ свидѣтельство Прокопія. По смерти Александра Македонскаго возстаютъ, по Епифанію, не персы, а армяне, и среди нихъ является Аршакъ Храбрый. Одинъ изъ потомковъ его — Тигранъ, царь армянскій, который завоевываетъ Мидію, Персію, Арменію, Сирію и Эламъ. Армянскій историкъ Фаустъ Византійскій также называетъ Тиграна Аршакидомъ. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ указаніемъ для оправданія или освѣщенія словъ Хоренскаго, г. Халатъянцъ предпочитаетъ принять на вѣру произвольное толкованіе Гарагашяна, будто названіе Тиграна *аршакидъ* у Фауста должно быть понято въ смыслъ царской династіи³⁾. Аршакъ вовсе не значить царь. При существованіи такого преданія, понятно, почему у Хоренскаго начало армянскихъ Аршакидовъ возводится къ II ст. до Р. Х., т. е. къ такому времени, когда въ Арменіи царствовали Тиграпиды.

Имена и годы правленія Аршакидовъ Хоренскій заимствуетъ изъ *Начальной исторіи Арменіи*. Они по г. Халатъянцу не выдерживаютъ никакой исторической критики и составляютъ продуктъ фантазіи автора *Начальной исторіи*. Г. Халатъянцъ даже думаетъ, что имена персидскихъ царей вычитаны изъ Библии, Евсевія, Себеоса. Однако онъ не разъясняетъ, почему въ такомъ случаѣ авторъ выбралъ именно эти имена, а не другія — ихъ много у Евсевія и Себеоса, или отчего числомъ 12 царей, а не больше или меньше. Въ *Армянскомъ Эпосѣ* г. Халатъянцъ считалъ начальную исторію Анонима позднимъ апокрифомъ VIII—IX ст. Судя по вскользь брошеннымъ замѣткамъ⁴⁾, онъ и нынѣ держится того же взгляда. Послѣ того, какъ доказано, что *Начальная исторія* входила въ составъ труда Фауста, и что Прокопій въ половинѣ VI ст. зналъ Фауста именно въ этой редакціи,

1) См. Визант. Временникъ, т. VIII, вып. 1—2.

2) *Записки*, 1902, стр. 31.

3) Стр. 5, прим. 2.

4) Стр. 25.

взглядъ г. Халатьянца на Анонима теряетъ почву. Анонимъ никоимъ образомъ не можетъ считаться апокрифомъ VIII—IX ст. Даже въ явно легендарной части своего содержанія — въ числовыхъ данныхъ, онъ восходитъ къ временамъ болѣе древнимъ, чѣмъ предполагаетъ г. Халатьянецъ, примыкая къ персидскимъ преданіямъ объ Аршакидахъ въ эпоху Сасанидовъ.

По Анониму владычество парянскихъ царей продолжалось 500 лѣтъ; ихъ было числомъ 12. Сравнивая эти цифровыя данныя съ показаніями восточныхъ источниковъ, находимъ извѣстную солидарность между ними.

По сирійскимъ источникамъ продолжительность царствованія паряня опредѣляется также числомъ 500¹⁾. Предполагается — и на это есть указаніе (у Масуди, Мирхонда) — что такое же число имѣлось и въ персидскихъ памятникахъ²⁾. Впослѣдствіи оно было сокращено почти вдвое: по Bundehesh'u — 280 л.; въ персидскихъ памятникахъ, использованныхъ Агаѳіасомъ — 270 л. Эта мѣра вызвана религиозно-политическимъ соображеніемъ, о которомъ рассказываетъ Масуди.

По ученію персидскихъ священныхъ книгъ, персидское государство должно было пережить большой переворотъ, спустя 300 лѣтъ отъ Зороастра. Переворотъ случился при Александрѣ Македонскомъ. Въ исходѣ тысячелѣтія государству предстояла гибель. Отъ Зороастра до Александра Македонскаго персы считали 300 лѣтъ; а отъ Александра до начала Сасанидовъ 500 лѣтъ; стало быть, до тысячелѣтія оставалось 200 лѣтъ. Основатель династіи Сасанидовъ, съ цѣлью предотвратить грядущее несчастіе или удалить наступленіе его, приказалъ сократить время, протекшее отъ Александра. Онъ сократилъ время вдвое и выбралъ подходящее для уменьшеннаго времени число царей, именно 12, а остальныхъ выбросилъ. Затѣмъ онъ распространилъ всюду въ своей имперіи, что отъ Александра до его времени прошло 270 лѣтъ.

Впослѣдствіи персидскіе историки, чтобы восполнить тотъ пробѣлъ, выдумали дополнительную легендарную линію Ашганіевъ, въ отличіе отъ первой линіи — Ашканіевъ.

Армянскій Анонимъ, поскольку у него стоитъ число 500, восходитъ къ сирійскимъ памятникамъ; съ другой стороны списокъ царей въ 12 членовъ указываетъ на его зависимость отъ персидскихъ источниковъ. У Анонима не имѣется упоминанія о второй явно легендарной линіи ашганіевыхъ Аршакидовъ, а разногласіе источниковъ устранено тѣмъ, что 500 л. распределено между 12 царями. Вслѣдствіе этого получались иногда

1) A. von Gutschmid. Zur Geschichte der Arsakiden. ZMG. B. XV.

2) Ib.

баснословные года правленія въ 70, 60 лѣтъ. Незнакомство Анонима съ побочной аршакидской линіей персидскихъ хроникъ можно объяснить тѣмъ, что онъ *восходитъ ко времени болѣе раннему, чѣмъ появленіе побочной линіи въ персидской литературѣ.*

Въ персидской литературѣ она появилась въ эпоху переработки иранскаго эпоса при Хосроѣ Парвизѣ на рубежѣ VI и VII ст. Стало быть, и трудъ Анонима, въ виду этого обстоятельства, составленъ до VII ст. и не можетъ считаться апокрифомъ VIII—IX ст.

Отрицательнымъ отношеніемъ къ *Начальной исторіи Арменіи* объясняется отчасти и то, что г. Халатьянцъ невѣрно истолковываетъ отдѣльные моменты изъ исторіи Аршакидовъ. Разсказъ Хоренскаго о завоеваніяхъ царя Арташеса, вопреки мнѣнію г. Халатьянца, основывается на правдѣ. Вопросъ, конечно, не въ исторической достовѣрности, а чисто литературной. У армянъ существовало подобное преданіе объ Арташесѣ; о немъ свидѣтельствуетъ указанный г. Халатьянцемъ отрывокъ изъ анонимной *Географіи VII в.* Маловѣроятно, чтобы Хоренскій свидѣніемъ объ Арташесѣ былъ обязанъ Географіи, какъ это думаетъ г. Халатьянцъ. Интересующій насъ отрывокъ Географіи содержитъ больше, чѣмъ даетъ Хоренскій. Если бы послѣдній былъ знакомъ съ этимъ мѣстомъ, онъ пользовался бы имъ цѣлкомъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ недостаетъ этого отрывка. Возможно, что онъ — интерполяция и попалъ въ Географію изъ другого источника. А это значить, что у армянъ сохранялись преданія о древнихъ Аршакидахъ еще въ періодъ времени послѣ VII ст.

Арташесу приписываетъ Хоренскій также убійство Креза. Г. Халатьянцъ утверждаетъ, что Хоренскій умышленно передѣлалъ на армянскій ладъ знаменитую исторію Кира и Креза, и перенесъ роль Кира на Арташеса армянскаго.

На самомъ дѣлѣ ошибка Хоренскаго имѣеть другое основаніе. Разбирая вопросъ объ убійствѣ Креза, армянскій историкъ заявляетъ, что по однимъ источникамъ имя убійцы Креза — Киръ, а по другимъ — Арташесъ. Онъ недоумѣваетъ и не находитъ болѣе подходящаго объясненія, чѣмъ допустить существованіе двухъ Крезовъ: одинъ — при Нектанебѣ, котораго убилъ Киръ, другой — при Арташесѣ. На основаніи хронологическихъ несообразностей историкъ даже склоненъ думать, что перваго совсѣмъ не существовало; онъ нашель гдѣ-то, что Крезъ жилъ за 200 лѣтъ до Нектанеба, а Нектанебъ за столько же лѣтъ до Арташеса. Все недоразумѣніе у Хоренскаго произошло отъ того, что онъ ошляся въ Арташесѣ, убійцѣ Креза греческихъ историковъ — Поликрата, Евагора, Камадра и Флегона, и принялъ его за армянскаго царя. Нашъ историкъ просто не

догадался, о какомъ Арташесѣ идётъ рѣчь у названныхъ писателей, кто этотъ воинственный Арташесъ, который своими подвигами превосходитъ Александра Македонскаго. Цитуемые Хоренскимъ греческіе историки подъ Арташесомъ разумѣли того же Кира, убійцу Креза. Греки, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ Флавій, называли Кира Артаксерксомъ. Въ приведенныхъ Хоренскимъ фрагментахъ говорится о пароянинѣ Арташесѣ, т. е. о персидскомъ царѣ. Греческіе писатели не всегда корректны въ употребленіи названій восточныхъ народовъ, и часто они смѣшиваютъ персовъ, пароянъ и мидянъ. Хоренскій, введенный въ заблужденіе неточнымъ употребленіемъ греческими историками названія *пароянинъ*, призналъ Арташеса за одноименнаго армянскаго царя, о которомъ существовало преданіе, что онъ походомъ дошелъ до Евбеи и навелъ ужасъ на Элладу.

Въ теченіе работы Хоренскому неразъ предстояла задача разбираться въ разнорѣчивыхъ показаніяхъ и примирять ихъ. При такой системѣ работы неизбежны ошѣбки, въ которыя онъ дѣйствительно впадалъ нерѣдко. Усмотрѣть въ подобныхъ случаяхъ опредѣленную тенденціозность и сознательное искаженіе фактовъ по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Какъ Гутшмидъ полагалъ, фрагменты изъ Поликрата Евагора, Камадра и Флегона взяты Хоренскимъ вѣроятноѣ всего изъ какого нибудь учебника по риторикѣ.

Мнѣніе нѣмецкаго критика не одобряется г. Халатьянцемъ. Все, что Хоренскій приписываетъ названнымъ греческимъ историкамъ, по утверженію г. Халатьянца, вымыслено имъ самимъ, причѣмъ ему служили источниками, съ одной стороны — Калисоевъ, Филонъ, Малала, а также Фаустъ, Ананія Ширакскій, съ другой — Библия, Епифаній, Григорій Нисскій. Фрагменты изъ греческихъ историковъ у Хоренскаго занимаютъ всего двѣ странички. Для составленія двухъ жалкихъ страницъ г. Халатьянецъ заставляетъ Хоренскаго перелистывать столько томовъ! Дѣло не въ томъ, что такимъ путемъ Хоренскій представляется въ каррикатурномъ видѣ, а что г. Халатьянецъ дискредитируетъ свою кропотливую работу, дѣлая насильственные сближенія: напримѣръ, онъ находитъ возможнымъ слѣдующія слова Хоренскаго, приписываемыя имъ Евагору — «*отъ потоковъ не вздувалась рѣка, ибо войска его (Арташеса) утоляя изъ нея жажду, довели се до зимняго мелководья*» *և ոչ ուիւր զգետն ստուարացոյցին՝ արբամբ ի ձմեռնային նուազութիւն իջուցանելով* — сопоставлять съ одной фразой изъ похвальнаго слова Григорія Нисскаго: «*рѣка, разъяренная зимними потоками*» *զետր ձմեռնական ուղիւիւր զայրացեալ*¹⁾.

1) Стр. 48, 49.

Для изложенія исторіи Тиграна Хоренскій пользуется Іосифомъ Флавіемъ. По г. Халатьянцу, нашъ историкъ беретъ у него матеріалы, но перерабатываетъ ихъ, арменизуя пареяно-еврейскія отношенія и событія. г. Халатьянецъ указываетъ также на анахронизмы: Гирканъ попалъ въ плѣнъ къ Фраату спустя 15 лѣтъ по смерти Тиграна, между тѣмъ, по Хоренскому, плѣненіе еврейскаго первосвященника случилось при Тигранѣ и благодаря ему.

Уличивъ Хоренскаго въ недобросовѣстности, нашъ изслѣдователь тутъ же оговаривается: «впрочемъ, въ оправданіе армянскаго историка слѣдуетъ сказать, что задолго, повидимому, до него существовало у армянъ преданіе о плѣненіи Тиграномъ Великимъ еврейскаго первосвященника Гиркана и приведенія его въ Арменію съ огромнымъ числомъ плѣнныхъ евреевъ. Объ этомъ передаетъ Фаустъ Византійскій»¹⁾. Казалось бы дѣло ясно. Арменизація повѣствуемыхъ Хоренскимъ событій произошла не подъ перомъ автора *Исторіи Арменіи*, а гораздо раньше его. Историкъ, можетъ быть, позвогительно ограничиться однимъ сопоставленіемъ словъ Хоренскаго съ Іосифомъ Флавіемъ. Но для изслѣдователя источниковъ Хоренскаго этого еще недостаточно. Въ исторіи Тиграна Іосифъ Флавій не можетъ считаться литературнымъ источникомъ Хоренскаго.

При изложеніи исторіи Санатрука и мученичества апостола Фаддея и Сандухта Хоренскій пользовался дошедшими до насъ мученическими актами ихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ. Сопоставляя рассказъ Хоренскаго съ актами г. Халатьянца находитъ, что историкъ упоминаетъ «нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ сохранившихся сказаніяхъ, а именно — вынутіе (възъ подь камня) тѣла апостола учениками (sic!) его и перенесеніе мощей (апостола и св. дѣвы) на Арапаръ»²⁾. Эти подробности указываютъ, по мнѣнію г. Халатьянца, «на подновленіе сказанія, относящагося ко времени не ранѣе VII в., такъ какъ только въ сороковыхъ годахъ этого столѣтія была, по Себеосу, построена церковь имени св. Григорія на Арапарѣ, куда по словамъ Хоренскаго были перенесены мощи — событіе, о которомъ однако не находимъ у Себеоса никакихъ указаній»³⁾.

Разсужденія г. Халатьянца основаны частью на невѣрномъ пониманіи текста, а частью на неточномъ толкованіи словъ Хоренскаго.

Ошибка г. Халатьянца объясняется тѣмъ, что онъ пользовался русскимъ переводомъ Хоренскаго, сдѣланнымъ Эминымъ; а этотъ переводъ, оказывается, въ интересующемъ насъ мѣстѣ совсѣмъ невѣренъ.

1) Стр. 65.

2) Стр. 91, 92.

3) Ib.

Хор. XXXIV. *Կատարումն առաքելոյն և որբ ընդ նմա՛ ի դաւանին Շաւարշան՝ որ այժմ կոչի Արտազ. և պատանումն քարին և յերբ Գալ և ընդհանրէլ զՏարին Առաքելոյն և առնուլ անտի աշակերտացն և Թաղել ի դաշտին. և մարտիրոսանալ Թագաւորի դստերն Սանդխտոյ հուպ ի ճանապարհն. և աստ ուրեմն յայտնել ճշխարաց երկոցունց և փոխել յառապարհն:*

Пер. Эмина. Мученическая кончина апостола и его спутниковъ въ области Шаваршанской, называемой теперь Артазомъ; разступленіе камня и вторичное его соединеніе по принятии тѣла апостола; вынутіе оттуда (тѣла) учениками его и погребеніе въ полѣ; мученическая кончина дочери царя Сандухтъ, близъ дороги; явленіе мощей ихъ обоихъ и перенесеніе ихъ на каменистую крутизну.

Текстъ Хоренскаго въ точномъ переводѣ гласить: «мученичество апостола и его товарищей въ области Шаваршанъ, называемой теперь Артазомъ; разступленіе камня, и *встрѣча учениковъ* (յիրար գալ не քարին, а աշակերտաց), обрѣтеніе тѣла апостола, взятіе ими оттуда мощей и погребеніе въ полѣ; далѣе мученическая смерть дочери царя, Сандухты, близъ дороги, явленіе ея мощей на томъ же мѣстѣ и перенесеніе ихъ обоихъ на Арапаръ».

При такомъ пониманіи словъ Хоренскаго рѣчи не можетъ быть о предполагаемомъ г. Халатьянцемъ подновленіи сказанія, поскольку дѣло касается «вынутія изъ подъ камня тѣла апостола учениками (sic!) его». Подобнаго «вынутія» на самомъ дѣлѣ не было, и историкъ не говоритъ о немъ. Излишенъ тутъ также звакъ недоумѣнія, поставленный самимъ г. Халатьянцемъ. Подъ учениками апостола Хоренскій разумѣетъ отшельника Киріака и священника Самуила, которые вмѣстѣ искали и нашли мощи, какъ видно изъ сказанія объ обрѣтеніи мощей¹⁾.

Что касается перенесенія мощей на Арапаръ, то и тутъ, какъ мнѣ сдается, критики Хоренскаго въ заблужденія, и нашъ историкъ по существу правъ. Вопросъ объ Арапарѣ поднялъ от. Дашянъ. Г. Халатьянцу, какъ и ученому мхитаристу желательно было понять подъ этимъ смутнымъ выраженіемъ построенную въ VII в. церковь во имя бдящихъ или св. Григорія.

Никто изъ послѣдующихъ историковъ не знаетъ о перенесеніи мощей Өаддея, ни Себеосъ, ни Гевондъ, ни же католикосъ Іоаннъ. Послѣдній упоминаетъ о перенесеніи мощей св. Григорія въ названную церковь, но ничего не говоритъ о мощахъ Өаддея. Очевидно никакого перенесенія мощей не было. Что значать тогда слова Хоренскаго и какъ понять ихъ?

1) Սփեքք, VIII, стр. 88.

Дѣло въ томъ, что обрѣтеніе мощей Өаддея случилось, какъ гласитъ запись сказанія, при католикосѣ Іоаннѣ Мандакуни и марзбанѣ Ваанѣ, т. е. въ исходѣ V ст. Въ концѣ записи сказано, что католикосъ и марзбанъ въ сопровожденіи многочисленной толпы пришли на поклоненіе св. мощей, «взяли съ собою часть мощей Өаддея, Савдухты и другихъ, благословили Бога и разошлись радостно, каждый въ свое мѣсто» (*առնուին Տասն ի նշխարաց սբ ասարելոյն Թադէոսի, և Սանդիտոյ և յայլոց վկայից, և տուեալ փառս աստուծոյ զնացին յիւրաքանչիւր տեղիս ինդութեամբ*). Такъ какъ Мандакуни и Ваанъ возсѣдали въ Вагаршапатѣ, то и Хоренскій заключилъ, что часть мощей взята ими туда. При этомъ Хоренскій выражается довольно неопредѣленно, называя мѣстность, куда перенесли мощи, *ասպար*. Слово это означаетъ необработанную, дикую, а можетъ быть и каменную мѣстность; такъ называются у древнихъ окрестности св. Эміадзинскихъ церквей — все вагаршапатское поле.

Тѣ, которые желаютъ понять подъ Арапаромъ церковь св. Григорія, ссылаются на одно мѣсто Себеоса; рассказывая о постройкѣ церкви католикосомъ Нерсесомъ, Себеосъ говоритъ: «онъ провелъ воду изъ рѣки и утилизовавъ всѣ *дикія* (безплодные) мѣстности, насадилъ сады и деревья» (*ած ջուր և երբէր զգետոյն և արկ ՚ի գործ զամենայն վայրսն ասպար, տնկեաց պղիս և ծառատունկս*)¹⁾.

Въ этомъ же смыслѣ употребляется слово *аспавар* у Фауста, въ примѣненіи къ тѣмъ же мѣстностямъ: «когда увидѣли, что Мушегъ нападаетъ на нихъ, вышли изъ города (Вагаршапата) и убѣжали въ *арапаръ*, въ сторону Ошаканскаго замка, полагаясь на пустыню и каменную мѣстность». (*Ըւ իբրև տեսին զնա յարձակեալ ի վերայ իւրեանց, փախած ելին ի քաղաքէ անտի յասպարն, ի կողմն յՕշական բերդին և զանպատն և զքարուտ տեղիսն ասպաւէն իւրեանց համարեցան*)²⁾.

Церковь св. Григорія находилась къ востоку отъ Эчміадзина, на пути въ Эривань, а Ошаканъ — къ западу или къ Сѣверо-западу. Несмотря на это, историки называютъ ихъ окрестности *аспавар*. Очевидно, подъ нимъ понимали весь районъ, а не исключительно то мѣсто, гдѣ стояла церковь св. Григорія. Въ этомъ районѣ находилось много церквей; въ одну изъ нихъ и могли перенести мощи, по смыслу текста Хоренскаго. Для пониманія словъ Хоренскаго нѣтъ нужды предполагать знакомство его съ церковью Григорія.

1) Սերէոս, стр. 119.

2) Փառատոս, стр. 17, ср. у Хоренскаго «*և անտի մերժեալ զՕշական ասպարանն*», III, 9.

Вслѣдствіе невѣрнаго толкованія вступительныхъ словъ Хоренскаго къ III книгѣ, г. Халатьянцъ приступилъ къ разбору ея съ ошибочной мыслью, будто армянскій историкъ отрицаетъ существованіе у армянъ какихъ либо историческихъ памятниковъ за данный періодъ. Для внимательнаго читателя Хоренскаго ясно, что сѣтованія его на отсутствіе археологіи у армянъ относятся къ двумъ уже описаннымъ имъ эпохамъ, а не той, которую онъ собирается описать. Для первыхъ двухъ книгъ у него не было одного опредѣленнаго источника, и историкъ долженъ былъ добыть матеріалы изъ разныхъ источниковъ и частью писать по памяти. Потому онъ проситъ снисхожденія за ошибочныя свѣдѣнія; и обѣщаетъ рассказать исторію слѣдующей эпохи безошибочно, разумѣется, въ виду имѣющейся за этотъ періодъ армянской археологіи. Отмѣтивъ фактъ наличности археологіи, Хоренскій опредѣляетъ свое отношеніе къ пей: онъ думаетъ сдѣлать ее общедоступной съ тѣмъ, «чтобы не увлекались краснорѣчіемъ, а дорожили лишь правдивостью разсказа и почаще и ненасытно перечитывали исторію нашей родины» (III, I).

Памятникъ или *Исторію*, которую Хоренскій собирается пересказать общедоступнымъ языкомъ — трудъ Фауста Византійскаго. Сличеніе Хоренскаго съ Фаустомъ выясняетъ задачу Хоренскаго: нашъ историкъ очистилъ Фауста отъ сказочныхъ элементовъ, иногда и подробностей безнравственнаго содержанія и сохранилъ лишь остовъ историческихъ событій, дополняя его кое-гдѣ изъ другихъ источниковъ. При этомъ Хоренскій позволялъ себѣ уклоненія отъ Фауста, болѣе или менѣе значительныя. Одни изъ нихъ г. Халатьянцъ ставитъ за счетъ недобросовѣстности и тенденціозности историка, для другихъ онъ готовъ признать иные источники. И въ томъ, и другомъ случаяхъ замѣчаются промахи и невѣрное освѣщеніе.

Въ характеристикѣ Хосроя и его царствованія Хоренскій расходится съ Фаустомъ. Вопреки похваламъ Фауста, Хоренскій упрекаетъ Хосроя въ бездѣятельности, слабости и празднолюбіи. Г. Халатьянцъ находитъ такое отношеніе несправедливымъ и думаетъ, что основаніемъ къ тому послужило прозвище Хосроя *котакъ*, которое, молъ, Хоренскій понялъ невѣрно въ смыслѣ «слабый», «тщедушный»¹⁾. Какъ-то целовко толковать Хоренскому, который, очевидно, не хуже насъ зналъ армянскій языкъ, значеніе слова *կոտակ*. Въ 83 г. II к. онъ говоритъ: отъ Ашхены родился сынъ Хосрой, *ուչ համեմատ հասակի ծնորաց իւրոց*, т. е. ростомъ не соразмѣрный росту родителей, иначе, малорослый.

Нападки Хоренскаго на Хосроя основываются на критическомъ отно-

1) Стр. 199.

шеніи къ словамъ Фауста. Внимательно слѣдя за всѣмъ, что Фаустъ рассказываетъ о Хосроѣ, можно прийти къ тому же заключенію, что Хоренскій.

Вотъ главныя событія царствованія Хосроя:

1) Междоусобныя войны, послѣдствіемъ которыхъ было истребленіе двухъ нахарарскихъ фамилій, Мапавазянъ и Ордуни. Дѣятельность царя Хосроя выразилась въ томъ, что онъ послалъ войско и уничтожилъ ихъ.

2) Нашествіе маскутовъ, которые въ сопровожденіи горскихъ племенъ дошли до самой резиденціи Хосроя, Вагаршапата, и разоряли страну въ теченіе цѣлаго года. Хосрой не могъ дать имъ отпора, убѣжалъ изъ столицы и укрѣпился въ замкѣ Даронкѣ.

3) Послѣ этого начинаются войны съ персами; предводитель армянскихъ войскъ, посланный Хосроемъ прогивъ враговъ, измѣняетъ своему царю и переходитъ къ персамъ во главѣ 40,000 войскъ.

4) Далѣе слѣдуетъ возстаніе Бакура, бдеша одной изъ южныхъ провинцій. Родъ его былъ также избитъ по приказанію Хосроя.

Факты, передаваемые самимъ Фаустомъ, не доказываютъ, что «право и справедливость, миръ и согласіе» царяли въ Арменіи при Хосроѣ.

Если Фаустъ, вопреки представленной имъ картинѣ войнъ и неурядицъ, восхваляетъ время Хосроя, то только потому, что при немъ жилъ патриархъ Вртганестъ. Извѣстно, съ какимъ пристрастіемъ относится Фаустъ къ потомкамъ Григорія Просвѣтителя. Восхваляемый миръ и благосостояніе при Хосроѣ, по смыслу словъ Фауста, связаны съ именемъ Вртганеса¹⁾. Хоренскій слѣдилъ главнымъ образомъ за политическою исторіей страны, потому онъ сумѣлъ отличить дѣятельность Вртганеса отъ бездѣятельности Хосроя. Хосрой, дѣйствительно, принадлежатъ къ безславнымъ и тщедушнымъ вѣнценосцамъ. Хоренскій по праву укоряетъ царя, который при такихъ условіяхъ находилъ возможнымъ предаваться пріятному времяпровожденію. Историкъ не раздѣлялъ мнѣнія своего изслѣдователя, что «построеніе виллы и любовь къ охотѣ еще не доказываютъ ни легкомыслія, ни праздности, потому что охота, какъ думаетъ г. Халатьянцъ, была однимъ изъ любимыхъ удовольствій царей всѣхъ народовъ и во всѣ времена²⁾».

Говорятъ, что Хоренскій преслѣдуетъ Мампконидовъ. Въ этомъ отношеніи нападки г. Халатьянца иногда переходятъ границы справедливости³⁾.

1) «Յառաւր յորս եկաց եւ եղև քահանայապետ յաթոնն Հոր... Վրժանէս. Իաղաղութիւն եւ շինութիւն, մարդաշատութիւն եւ առողջութիւն, պտղաբերութիւն եւ աստուածպաշտութիւն յաւուրն սոցա աճեալ բազմացաւ Լուսաւորէր եւ առաջնորդէր նոցա սուրբն Վրժանէս, Իրուուէր եւ արդարութիւն ծաղկեալ էին ի դարուն յայնմ»: Փառստոս III, 3.

2) Стр. 201.

3) Стр. 130.

Вопреки Фаусту, главнокомандующимъ надъ армянскими войсками при Тирдатѣ Хоренскій считаетъ Артавазда Мандакуни, а не Мамиконида. Въ данномъ случаѣ Хоренскій такъ поступилъ вовсе не изъ тенденціозныхъ побужденій. Вѣдь, по Хоренскому, Мамикониды прибыли въ Армению при Шапухѣ, сынѣ Арташира, значить по смерти Хосроя. Вслѣдствіе этого они и не могли бы выступить спарпетами при Хосроѣ. А приурочивая появленіе Мамиконидовъ ко времени Шапуха, Хоренскій слѣдовалъ историческимъ извѣстіямъ. У Себеоса также Мамикониды являются въ Армению въ это время.

Отступленія или дополненія у Хоренскаго противъ Фауста объясняются г. Халатьянцемъ отчасти вліяніемъ *Житія Нерсеса*. Онъ указываетъ на сходные или даже тождественные элементы въ обоихъ памятникахъ. Несомнѣнно, между ними есть тѣсная связь. Г. Халатьянецъ толкуетъ ее не въ пользу Хоренскаго. Онъ различаетъ нѣсколько редакцій Житія Нерсеса. Говоритъ о мадрасскомъ изданіи, предупреждаетъ не смѣшивать его съ редакціей, помѣщенной въ *Учбѣтѣ*. Осторожно замѣчаетъ, что Хоренскій пользовался Житіемъ въ его болѣе древней редакціи, и затѣмъ пренебрегая своимъ же замѣчаніемъ, онъ сличаетъ Хоренскаго съ той редакціей Житія, которую самъ считаетъ поздней, и относитъ его къ числу апокрифическихъ произведеній VII—VIII в. Мало того, г. Халатьянецъ утверждаетъ, что по Житію Нерсеса можно провѣрять Хоренскаго, чтобы доказать, что заимствуетъ историкъ изъ него, и что прибавляетъ отъ себя. Но нужно согласиться, что трудно контролировать автора по поздней редакціи памятника, когда онъ пользовался имъ въ болѣе древней редакціи.

Г. Халатьянецъ склоненъ допустить, что хронологію армянскихъ Аршакидовъ и католикосовъ Хоренскій беретъ изъ названнаго Житія¹⁾. По хронологіи царей въ Житіи указываются годы одного Папа — 7 лѣтъ, и Хоренскому нечего заимствовать отсюда. Что касается хронологіи католикосовъ, то онъ могъ взять ее изъ другихъ источниковъ.

Въ одной греческой рукописи парижской Національной бібліотеки сохранился до насъ списокъ армянскихъ католикосовъ. Онъ изданъ Комбейсомъ въ *Auctarium*'ѣ и перепечатанъ отсюда у Migne, t. 132. Списокъ содержитъ имена и годы армянскихъ католикосовъ отъ Григорія Просвѣтителя вплоть до Саака Цорапорскаго. Онъ переведенъ съ армянскаго. Въ виду того, что списокъ доведенъ до Саака, жившаго въ 70—80 г. VII ст., армянскій оригиналъ его надо отнести ко времени Саака. Любопытно, что годы правленія Саака не обозначены въ спискѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ составленъ современникомъ Саака и при его жизни.

1) Стр. 211.

Авторъ іерей Езникъ, современникъ католикоса Комитаса, былъ очевидцемъ открытія мощей св. Рипсиміи при перестройкѣ церкви имени той же святой въ 29 году Хосроя (= 619 г.). Трудъ его въ главной части представляетъ изъ себя простой перечень армянскихъ царей и патріарховъ послѣ Тирдата и Григорія, снабженный нѣкоторыми свѣдѣніями. За этимъ документомъ слѣдуетъ списокъ католикосовъ отъ Григорія Просвѣтителя до Стефана, жившаго въ концѣ VIII ст., съ обозначеніемъ времени ихъ правленія. При этомъ, странно, не отмѣчены годы католикоса Комитаса — обстоятельство, которое можно объяснить развѣ тѣмъ, что списокъ въ подлинномъ видѣ кончался на Комитасѣ. Въ такомъ случаѣ онъ, очевидно, принадлежитъ перу того же іерея Езника. Стало быть, въ началѣ VI ст. уже были выработаны даты для католикосовъ. Къ тому же времени относится хронологія, или скорѣе опытъ хронологіи Аршакидовъ въ II г. Себеоса, о которой г. Халатьянцъ вовсе не упоминаетъ.

Для нашей цѣли пока достаточно сказаннаго. При наличности столь интересныхъ и важныхъ данныхъ по меньшей мѣрѣ рисковано утверждать зависимость Хоренскаго отъ *Житія Нерсеса*. Болѣе чѣмъ вѣроятно допустить обратное отношеніе; по крайней мѣрѣ по части хронологіи несомнѣнно *Житіе* зависитъ отъ Хоренскаго.

Подобнымъ образомъ не вполне удовлетворительно освѣщеніе, данное г. Халатьянцемъ вопросу о взаимоотношеніяхъ Хоренскаго и Сократа. Заимствованія Хоренскаго изъ Церковной исторіи, по г. Халатьянцу — фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но извѣстно, что сходство у Хоренскаго обнаружено больше съ малымъ Сократомъ, чѣмъ съ большимъ; а послѣдній — является чисто армянской передѣлкой подлиннаго труда Сократа. Посему возможно объяснить сходственные мѣста влияніемъ Хоренскаго на автора малаго Сократа. Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ остается еще открытымъ.

Не лучше обстоятъ дѣло съ житіемъ Сильвестра. Въ характеристикѣ Месроба у Хоренскаго критикой отмѣченъ цѣлый отрывокъ въ 15 строкъ, который находится буквально въ томъ же видѣ въ пространномъ *Житіи св. Сильвестра*, переведенномъ на армянскій языкъ въ 678 г. Это — одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и можетъ быть единственный существенный аргументъ противъ древняго происхожденія Исторіи М. Хоренскаго. Г. Халатьянцъ считаетъ этотъ случай заимствованія замѣчательнымъ, хотя онъ несомнѣстимъ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое нашъ критикъ имѣетъ о приѣмахъ Хоренскаго при пользованіи памятниками. По изображенію г. Халатьянца, «источники, изъ которыхъ черпаетъ Хоренскій, обыкновенно служатъ ему для того, чтобы передѣлать ихъ содержаніе и произвольно измѣ-

нять съ цѣлью скрыть его слѣды передъ читателями»¹⁾. Послѣ этихъ словъ, г. Халатъянцъ допускаетъ безъ всякой оговорки, что передъ *Житіемъ* Сильвестра Хоренскій забылъ себя и безцеремонно списалъ букву въ букву цѣлую тираду. Одно изъ двухъ — или данная г. Халатъянцемъ характеристика Хоренскаго невѣрна или весь отрывокъ изъ Сильвестра попалъ въ *Исторію Арменіи* помимо Хоренскаго, путемъ интерполяціи.

Многіе изъ тѣхъ памятниконъ, которые г. Халатъянцъ признаетъ за источники Хоренскаго, можно отвергнуть какъ таковыя въ силу одного обще-филологическаго соображенія.

Если Хоренскій располагалъ, скажемъ, Сократомъ, Себеосомъ, Гевондомъ и т. д., то отчего онъ довольствовался малымъ и не почерпнулъ оттуда всего, что могъ бы. Не странно-ли, что нашъ историкъ каждый разъ заглядываетъ въ богатая литературныя сокровищницы съ тѣмъ, чтобы брать самую малость, иногда какія-нибудь мелкія глоссы, или отдѣльныя выраженія. Имѣя подъ рукою цѣнныя по содержанію историческія памятники, онъ обращается къ нимъ, когда ему нужны какія-то не то излюбленныя, не то мѣткія слова и фразы, или совершенно незначительныя свѣдѣнія и событія. Г. Халатъянцъ также находитъ это обстоятельство страннымъ. «Въ описаніи персидской войны, столь важной для Арменіи, говорятъ г. Халатъянцъ, Хоренскій, какъ ни странно, не пользовался историческими источниками, передававшими объ этомъ событіи довольно подробно, какъ напримѣръ, тѣмъ же Сократомъ, извѣстнымъ ему въ армянскомъ переводѣ, или же Малалой: имъ онъ предпочелъ *отрывочныя риторическія выраженія* Назіанзина въ армянскомъ переводѣ»²⁾. Дѣйствительно, очень странно. Въ этомъ смыслѣ странно также обращеніе Хоренскаго съ Себеосомъ, Гевондомъ. Въдъ они тоже любятъ Багратидовъ, рассказываютъ очень многое о нихъ; въ ихъ трудахъ есть не мало весьма интересныхъ эпизодовъ изъ жизни Багратидовъ, которые Хоренскій могъ бы передѣлать, перерабатывать «до неузнаваемости». Но историкъ непонятнымъ образомъ игнорировалъ ихъ и нашелъ нужнымъ, по г. Халатъянцу, раза два заглянуть въ *Исторію* Гевонда, чтобы узнать о существованіи въ Арменіи мѣстностей: *Գողթն Գոտանъ, Նախիջանի Կապանի Կապանъ, Ջուղայի Դժուլի Դժուլфа, Խրամի Խրամъ, Խոշակուի Խոшакуни* и научиться мудрости, что «рѣка Араксъ замерзаетъ отъ суроваго дыханія зпмы»³⁾. Я думаю, можно Гевонда выключить изъ числа использованныхъ Хоренскимъ источниковъ, безъ всякаго ущерба дѣлу, защищаемому г. Халатъянцемъ.

1) Стр. 199.

2) Стр. 217.

3) Армянскій Эпосъ, стр. 216.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, когда мы устанавливаемъ несомнѣнный фактъ сходства Хоренскаго съ какимъ-нибудь произведеніемъ, и на основаніи высказаннаго сейчасъ соображенія не можемъ утверждать, что нашъ историкъ располагалъ имъ, должны допустить существованіе *общихъ источниковъ*. Настоящее положеніе вѣрно относительно многихъ изъ выставленныхъ г. Халатьянцемъ источниковъ Хоренскаго. Въ *Армянскомъ эпосѣ*, въ послѣсловіи низводя трудъ Хоренскаго къ концу VIII и даже началу IX в. г. Халатьянецъ обѣщаетъ представить болѣе точное опредѣленіе времени и загадочной личности автора *Исторіи Арменіи* въ слѣдующемъ трудѣ. Точное время составленія Исторіи Арменіи въ новой работѣ не дается. Относительно автора г. Халатьянецъ сообщаетъ новое: оказывается, всѣ измышленія Хоренскаго имѣли цѣлью «увѣрить насъ въ томъ, что онъ писатель V в. и тотъ именно изъ учениковъ св. Саака и Маштоца, который упоминается у Лазаря подъ громкимъ именемъ философа Моисея»¹⁾.

При такомъ освѣщеніи вопроса о времени Хоренскаго, остается еще объяснить, отчего тѣ, которые впервые познакомились съ Хоренскимъ, скажемъ, католикосъ Іоаннъ или Тома Арцруни, не выражаютъ удивленія по поводу такого поразительнаго открытія: стряхивается вѣковая пыль, и вдругъ всплываетъ паружу знаменитый трудъ еще болѣе знаменитаго автора Хоренскаго, ученика Саака, о которомъ никто не зналъ въ продолженіи четырехъ столѣтій.

Не касаясь дѣла по существу, я нахожу постановку вопроса объ авторѣ у г. Халатьянца довольно рѣзкой. Надо допустить, что не Хоренскій, а кто нибудь другой, анонимный авторъ *Исторіи Арменіи*, составилъ ее и пустилъ въ обращеніе подъ извѣстнымъ именемъ Хоренскаго, который считался и былъ изъ числа учениковъ Саака.

Въ армянскомъ переводѣ одного изъ трактатовъ Порфирія есть любопытное указаніе о неподлинныхъ сочиненіяхъ. Онѣ бываютъ разнаго характера, между прочимъ — *խորթ ասին շարագրածութիւնք, որ լինին ի ձեռն պատուասիրութեան, այսինքն սնափառութեան, Քանդի ոմանք անփառք և աներևելիք գորով՝ անուամբ վարդապետութեան կամելով յարգել զիւրեանց շարագրածսն, մակարեն յիւրեանց շարագրածսն զերևելի ուրուք զանուն վարդապետի*²⁾.

Возможно, что съ *Исторіей Арменіи* случилось нѣчто подобное. Во всякомъ случаѣ судьба Хоренскаго остается еще загадкой, требующей болѣе основательнаго рѣшенія. Въ качествѣ представителя отрицательной

1) Стр. 375.

2) Изд. Венец., стр. 252.

критики Хоренскаго, г. Халатьянцъ выполнилъ свою задачу въ этомъ направленіи. Изслѣдованіе его по результатамъ является самымъ рѣзкимъ выраженіемъ враждебной армянскому историку критики. Значеніе работы г. Халатьянца заключается именно въ крайности и рѣзкости его выводовъ. Изслѣдованіе его завершаетъ собой періодъ отрицаній въ исторіи изученія Хоренскаго и является необходимой ступенью для перехода на болѣе положительную и соответствующую дѣйствительности точку зрѣнія. Все, что можно было сказать противъ *Исторіи Арменіи*, сказано г. Халатьянцемъ. Ближайшая задача критики Хоренскаго—умѣрять пылъ увлеченій и точнѣе опредѣлить время и мѣсто *Исторіи Арменіи* въ ряду памятниковъ армянской литературы VI—VIII ст. Выставленные нами возраженія имѣли цѣлью лишь отчасти устранить тѣ элементы изъ изслѣдованія г. Халатьянца, которые, какъ промахи увлеченія, подрываютъ довѣріе къ отрицательной критикѣ Хоренскаго.

Н. Адонцъ.

330. Adolf Harnack. Forschungen auf dem Gebiete der alten grusinischen und armenischen Litteratur. («Sitzungsberichte d. Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1903. XXXIX. [Sitzung d. phil.-hist. Classe vom 30. Juli]. — Sonderabdruck).

«Предварительный отчетъ» проф. Н. Я. Марра о работахъ на Синаѣ и въ Иерусалимѣ, съ цѣлью ознакомленія съ содержаніемъ хранящихся тамъ армянскихъ и грузинскихъ рукописей, возбудилъ, подобно многимъ другимъ его работамъ по армяно-грузинской филологіи, живой интересъ какъ въ Россіи¹⁾, такъ и за-границей. Предлежащій небольшой (10 стр.) рефератъ извѣстнаго берлинскаго профессора исторіи церкви, Др. А. Гарнака, доложенный въ засѣданіи (30 іюля 1903 г.) королевской прусской академіи наукъ²⁾, ясно показываетъ, какіе результаты ожидаются для науки отъ изученія только что обследованнаго и собраннаго матеріала и какія уже вырисовываются научныя перспективы.

Въ своемъ рефератѣ проф. Гарнакъ, — года три тому назадъ начавшій ближе знакомиться съ памятниками грузинской древнецерковной лите-

1) Такъ, объ этомъ «Отчетѣ» былъ прочитанъ г. Х. Кучукъ-Іоаннесовымъ, въ засѣданіи (1 декабря 1903 г.) восточной комиссіи Имп. моск. археол. общества, докладъ, подъ заглавіемъ: «Отчетъ проф. Марра объ его поѣздкѣ на Синай и въ Иерусалимъ».

2) Объ этомъ рефератѣ, появившемся въ «Sitzungsberichte» прусской академіи наукъ (1903, XXXIX, стр. 831—840) кратко уже упоминалось на страницахъ «Записокъ восточнаго отдѣленія»; см. т. XV, вып. IV, стр. 0187 (въ библиографич. статьѣ подъ № 327).